

15. Фрейлина Ее Величества. «Дневник» и воспоминания Анны Вырубовой. – М.: Советский писатель, 1990. – 299 с.
16. Шаляпин, Ф.И. Маска и душа. Мои сорок лет на театрах / Ф.И. Шаляпин. – М.: В/О «Союзтеатр», 1989. – 318 с.

Назарова Е.Л.

ОПЫТ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ ЛАТЫШЕЙ ПО МАТЕРИАЛАМ ЦЕНТРАЛЬНОГО ИСТОРИЧЕСКОГО АРХИВА МОСКВЫ

С конца 80-х гг. XX века историки бывшего СССР, а затем и постсоветского пространства начали уделять существенно больше внимания истории народов в диаспоре, в первую очередь, в других регионах Российской империи/СССР за пределами их этнических территорий. Это очень важно, поскольку миграция народов по экономическим, политическим и прочим причинам была со второй половины XIX века весьма значительной. В этой связи историки активно обращаются к материалам российских архивов, содержащих разнообразную информацию о народах империи.

Обратимся к возможностям изучения истории латышей по архивным источникам современной России. В сферу внимания исследователей уже попали центральные государственные архивы, а также областные хранилища Поволжья, Урала и Приуралья, Сибири, где в разное время - добровольно или вынужденно - селилось большое количество латышей. Первые результаты исследований архивов уже опубликованы в печати [См. 1-9 и др.]. В настоящем докладе подведем первые итоги изучения истории латышей по материалам Центрального исторического архива Москвы (ЦИАМ).

Ориентироваться в более, чем 2 тыс. фондах архива помогло предварительное выявление латышей по адресным книгам г. Москвы и выявление там по фамилиям и именам лиц латышского происхождения. Кроме того, по публикациям и исследованиям о лидерах латышского национального возрождения, определяется круг лиц, которые длительное время трудились (в основном преподавателями) или учились в Москве: К.Валдемарсе, К.Баронсе, Фр. Бривземниксе, Е.Велме и др. В связи с этим в первую очередь вызвали интерес фонды образовательных учреждений Москвы: вузов и средних учебных заведений, а также общий фонд Московского учебного округа[3].

Выявление латышей по русским источникам связано со сложностью идентификации их по фамилиям, которые в России чаще всего получали более привычную для русского языка огласовку, не всегда позволяющую определить этническое происхождение конкретного человека. Христианские личные имена также могли передаваться в русском варианте (*Иван* вместо *Яниса*, *Петр* вместо *Петериса* и т.д.). У значительной части латышей были немецкие фамилии, соответственно определить национальность носителей этих фамилий без дополнительной информации о них не представляется возможным. В первую очередь, ориентиром служит смысловое значение фамилии, хотя нередко при ее русификация могла меняться и корневая часть слова, или же фамилия по виду становилась идентична обычной русской. Так *Латин* мог быть как русским, так и латышом по фамилии *Латиньш*, *Силин* – *Сильньшем*, *Летин* - *Льетиньшем* и т.п. Прямое указание на национальность человека встречалось достаточно редко. Четким показателем может быть территориальное и социальное происхождение: из крестьян Лифляндской или Курляндской губернии. Таким образом, при выявлении лиц латышской национальности в российских архивах приходится учитывать комплекс самых разных признаков.

Тем не менее, даже простой просмотр описей по названным фондам показывает, что число лиц, которые могут представлять интерес для темы «Латыши в Москве» с середины XIX в. до 1917 г. насчитывает не одну сотню. Среди них - преподаватели высших учебных заведений, средних учебных заведений разного типа, студенты, вольнослушатели и учащиеся классических гимназий (государственных и частных) реальных, коммерческих и профессиональных училищ.

Естественно, что предполагаемый объем материала для изучения потребует многих лет постоянной работы и, желательно, работы нескольких исследователей. В настоящее время практически полностью изучены личные дела преподавателей московских гимназий (правда, архивы не всех гимназий сохранились), реальных, двух крупнейших коммерческих и земледельческого училищ. В результате найдены новые свидетельства о жизни и работе не только уже известных деятелей латышского национального движения, ученых, общественных и политических деятелей будущей Латвийской республики (К.Баронса, Фр. Бривземниекса, Е.Велме, Фр.Балодиса, А.Спекке, Э.Лейниекса, др.), но и тех, о которых ранее вообще ничего не было известно. Как правило, учителя преподавали одновременно в нескольких учебных заведениях, а за все годы своей работы – не только в Москве, но и в других городах России. Таким образом, создается достаточно полная и впечатляющая картина преподавательской деятельности этнических латышей в Центральной России, их профессиональной оценки (включая продвижения по карьерной лестнице – по Табели о рангах, получение государственных наград и т.п.), их отношения с коллегами, участия в общественной жизни учебного заведения (руководство ссудными кассами, др.) и города (исполнение обязанностей присяжных заседателей, др.), их материального положения. Чрезвычайно интересна встречающаяся информация о жизни этих педагогов до приезда в Москву, а также о контактах их с родственниками в Латвии). Остаются пока не изученными личные дела учащихся этих заведений, среди которых также, судя по фамилиям, были дети из латышских семей. Поскольку в личных делах обычно содержались разнообразные сведения о семьях учеников (социальное происхождение, занятия родителей, материальное положение, состав семей и др.) надо надеяться, что эти документы расширят наше представление о латышах в разных группах населения Москвы.

Не менее информативны документы о латышах в высших учебных заведениях. Чрезвычайно интересен и содержателен в этом плане фонд Московского Археологического института (существовал с 1907 до 1924 г.), ранее практически не изученного историками. По фамилиям в описи можно говорить примерно о 50 слушателях и вольнослушателях латышского происхождения. Среди них – имена таких латышских ученых как археолог Фр.Балодис (позже читал в МАИ курс египтологии) и историк Б.Брежго, Сведения о них из фонда МАИ (личных дел и отчетов о заседаниях Ученого Совета) ранее не были известны ни в России, ни в Латвии и существенно дополняют научные и жизненные характеристики этих выдающихся представителей латышской интеллигенции. Изучение личных дел других латышей - слушателей МАИ, надо полагать, во многом пополнит наши знания об их жизни в Москве и Витебске (где был филиале института) и конкретных сферах интереса в археологии и истории.

Необычайно ценным в научном плане представляется фонд Московского университета. Изучение этого фонда применительно к истории латышей в России находится пока лишь на начальной стадии. Просматривались отчеты Ученых Советов Историко-филологического факультета, в которых должны были быть сведения об известных деятелях – Е.Велме и Фр.Балодисе. Особый интерес представляют известия о языкеводе и публицисте Е.Велме – начиная с его участия в конкурсе на замещение вакансии на должность лектора немецкого языка в 1883 г. и вплоть до драматических событий, связанных с окончанием его 25-летней службы в университете. Значительно расширилась картина научной деятельности в университете Фр.Балодиса, связанной с началом российской египтологии. Одновременно в исследуемых документах была найдена информация и о других латышах, в разные годы учившихся или преподававших на этом факультете.

Не меньший результат обещают материалы юридического и математического факультетов, а также медицинского факультета (латыши не только значатся среди его студентов, но также среди сотрудников как самого факультета, так и факультетских клиник).

Еще одно учебное заведение, в котором, судя по описям, училось много латышей – Московское высшее техническое училище. Пока изучено дело лишь студента –

Анатолия Безбардиса, внука одного из первых латышских ученых и общественных деятелей Кр.Биезбардиса. Найдены сведения о потомках Кр. Биезбардиса, живших с 70-х гг. XIX в. в Москве и появилась возможность восстановить историю последних трех лет жизни этого великого латыша, умершего в Москве в 1886 г.

Кроме фондов учебных заведений для истории латышей в России, важны фонды Московского почтамта и телеграфа, а также фонд Московской лютеранской общины.

Таким образом, даже столь незначительное обследование материалов ЦИАМ показывает его огромную значимость и перспективность для изучения истории российских латышей, характеризует их вклад в развитие Российского государства, а также дает представление о социальных изменениях в самом латышском обществе, без чего не могло осуществиться создание латвийской государственности после распада Российской империи.

1. Екабсонс Э. Офицеры-латыши в российской армии. 2-я пол. 19 в. -1907 г.// Интеллигенция в многонациональной империи: латыши, русские, немцы. XIX – начало XX вв. М., Институт всеобщей истории РАН. М., 2009. С. 67-127.
2. Кикутс Т. Основные тенденции в истории создания и развития латышских колоний в Уфимской губернии// В.6: Диалог между историками разных стран и поколений. М., «Весь мир». 2011. С. 27-44.
3. Назарова Е.Л. Латышские педагоги в России//Интеллигенция в многонациональной империи: латыши, русские, немцы. XIX – начало XX вв. М., Институт всеобщей истории РАН. М., 2009. С. 128-220.
4. Нам И.В. Латышские организации в Сибири в условиях революции и гражданской войны (1917-1919 гг.)// Россия и Балтия. В.5: Войны, революции и общество. М., Наука. 2008. С. 81-112.
5. Ренев Е.Г. Латышская тема в Ижевском рабочем восстании 1918 года// Россия и Балтия. В.6: Диалог между историками разных стран и поколений. М., «Весь мир». 2011. С. 47-73
6. Чапенко А. А. Характеристика высшего командного состава Латвийской Народной армии по материалам Российского Государственного военного архива// Россия и Балтия. В.5: Войны, революции и общество. М., Наука. 2010. С. 264-280
7. Ыалда V., Бартеле Т. Latviešu bēgļi Krievijā 1915-1922. Daugavpils universitātes apgāds “Saule”. 2007.
8. Ыалда V., Бартеле Т. Latvieši Maskavā. 1915-1922. DPU izdevniecība “Saule”. 2001.
9. Ыалда V. Latvieši Maskavā. 1923-1938. Daugavpils universitātes apgāds “Saule”. 2010.

Акульшин П.В., Соколов А.С.

ВОСПОМИНАНИЯ С.Д. ЯХОНТОВА КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

В фондах Государственного архива Рязанской области находятся воспоминания Степана Дмитриевича Яхонтова (1853–1942), созданные в 1932–1941 гг. на основе частично сохранившихся дневников, которые их автор вел с 1884 г. вплоть до декабря 1941 г. Доступ к полному тексту воспоминаний С.Д. Яхонтова долгое время был невозможен, поскольку его часть, относящаяся к советскому периоду, находилась на «специальном хранении». Отмена прежних ограничений позволило начать изучение этого мемуарного памятника и подготовку его к публикации.

Автограф воспоминания представляют собой 15 рукописных книг общим объемом более 2000 листов архивного хранения, написанных с соблюдением правил орфографии и грамматики, существующей до 1918 г. В текст автор вносил позднейшие вставки, исправления и дополнения. При работе над воспоминаниями С.Д. Яхонтов придерживался хронологически-тематического принципа. Все рукописи снабжены подробным оглавлением. Характерной особенностью воспоминаний является использование в качестве наглядного материала подлинных документов, которые подтверждают приводимые факты (вырезки из газет, программы и пригласительные билеты, письма и тому подобное.). Воспоминания С.Д. Яхонтова, которые охватывают обширный период с 1860-х гг. по 1938 г., являются уникальным источником по российской истории. Они отличаются необычайной тематической широтой и фактической достоверностью. Это объясняется особенностями личности автора – С.Д. Яхонтова, педагога и краеведа, большая часть жизни которого была связана с Рязанью и Рязанской губернией. Он представлял собой ярким примером российского интеллигента-разночинца, сформировавшегося в 1870-х гг. и всю жизнь посвятившего развитию образования и просвещения. На торжественном заседании, посвященном его семидесятилетию, С.Д.